

ПОНЯТИЕ «УЧРЕЖДЕНИЕ» В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Алексей Анищенко

В публикации детально проанализировано определение понятия «учреждение» в праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом его значения для эффективного регулирования советующих правоотношений в рамках Союза. По результатам сравнительно-правового анализа с идентичными и схожими терминами в иных отраслях права, а также с нормативным регулированием и правоприменительной практикой в отношении реализации аналогичных предписаний о свободе учреждения в других интеграционных образованиях (прежде всего в Европейском союзе) автором обоснован автономный характер определения учреждения в праве ЕАЭС, высказаны предложения о доработке имеющегося нормативного определения путем расширения его объема и сформулировано авторское доктринальное определение исследуемого правового института.

Ключевые слова: евразийская интеграция; коммерческое присутствие; постоянное представительство; право ЕАЭС; представительство; свобода учреждения; учреждение; филиал; юридическое лицо.

«The Concept of “Establishment” in the Eurasian Economic Union Law» (Alexey Anischenko)

This article examines in detail the current definition of establishment in the Eurasian Economic Union (EAEU) law, given its significance for the effective regulation of legal relationships within the Union. Drawing on a comparative legal analysis of analogous definitions in other branches of law, and by examining similar provisions on freedom of establishment in other regional integration arrangements, particularly the European Union, the author demonstrates the autonomous nature of the establishment definition in EAEU law. The article proposes amendments to the existing normative definition to broaden its scope of application and offers a doctrinal definition of the legal concept under review.

Keywords: branch; commercial presence; EAEU law; establishment; Eurasian integration; freedom of establishment; legal entity; permanent establishment; representative office.

Гармонизация и либерализация в сфере учреждения в рамках ЕАЭС, снятие барьеров и ограничений в данной области являются условиями развития интеграционных отношений, экономик государств — членов ЕАЭС. В частности, это повышает уровень инвестиций и соответственно увеличивает реальные доходы граждан стран ЕАЭС, что прямо связано с реализацией цели формирования внутреннего рынка Союза. Либерализация так называемого третьего способа поставки услуг (путем коммерческого присутствия) оживляет экономику путем повышения эффективности с использованием международной конкуренции и увеличивает потоки прямых иностранных инвестиций [7].

Примечательно, что даже страны, показывающие в целом наибольший рост инвестиций, т. е. привлекательные с инвестиционной точки зрения, ориентируются на прямые иностранные инвестиции именно из государств — чле-

нов тех региональных образований, к которым они причастны. Так, по данным Министерства торговли КНР, объем фактически использованных прямых иностранных инвестиций по итогам 2021 г. составил 173,48 млрд дол. США, показав рост 20,2 % по сравнению с предыдущим годом. Инвестиции из стран инициативы «Один пояс, один путь» и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) выросли на 29,4 и 29,0 % соответственно [6, с. 158].

Очевидно, что эффективное правовое регулирование требует четкого понятийного аппарата. Однако нормативное определение понятия «учреждение», содержащееся в Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор) [5], по нашему мнению, имеет ряд недостатков, создающих правовую неопределенность при правоприменении. Отсутствие содержательного определения понятия «учреждение» затрудняет разграничение данного понятия со смежными категориями

Автор:

Анищенко Александр Иванович — соискатель кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 6210801@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Anischenko Alexey — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 6210801@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

национального и международного правопорядков, усложняет критическое осмысление накопленного опыта правового регулирования свободы учреждения в других региональных интеграционных образованиях, прежде всего в Европейском союзе (ЕС), и его адаптацию к нуждам евразийской интеграции.

В отечественной и в целом русскоязычной юридической литературе комплексные научные исследования, посвященные проблематике свободы учреждения, пока отсутствуют. Теоретическую основу настоящей статьи сформировали общие труды в области интеграционного права Д. В. Козлова [8], Т. Н. Михалёвой [11], С. Ю. Кашкина, А. О. Четверикова [15], работы А. Ю. Корочкина [10], В. М. Шумилова [17] по праву Всемирной торговой организации (ВТО), а также отдельные научные публикации по смежной проблематике, в частности Е. В. Постниковой [14] и Р. Т. Юсифовой [18].

В статье поставлена цель разработать и обосновать определение понятия «учреждение» для права ЕАЭС. Кроме того, автором предпринята попытка сформулировать предложения по усовершенствованию имеющейся нормативной дефиниции, что представляется актуальным как в теоретической, так и в практической плоскостях.

Ряд авторов отмечают, что свобода торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций — комплексная и поэтому наиболее сложная по своему регулированию свобода общего (единого) рынка ЕАЭС [15, с. 77, 88].

Вероятно, как раз по этой причине правовое регулирование и особенно правоприменительная практика в большинстве региональных интеграционных образований, за исключением, пожалуй, ЕС, в меньшей степени развиты по сравнению с иными свободами, прежде всего свободой перемещения товаров. Так, например, Асунсьонский договор 1991 г., провозгласивший создание Южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР), вообще не упоминает свободу учреждения, ограничиваясь нормативным закреплением свободного перемещения товаров, услуг и средств производства [21].

В Договоре об экономическом сообществе стран Западной Африки (ЭКОВАС) свобода учреждения упоминается в ряде статей наряду со свободой поселения, однако ее конкретное содержание не раскрывается [19].

Тем не менее в наиболее развитых интеграционных объединениях свобода учреждения выделяется наряду с иными свободами внутреннего рынка и относится к факторам интенсификации общей торговли. Напротив, утрата возможностей свободы учреждения расценивается как одно из негативных последствий при выходе из интеграционного объединения, как, например, в случае выхода Великобритании из ЕС [18, с. 127].

В ЕАЭС в соответствии с частью второй пункта 1 статьи 65 Договора правовые основы регулирования *учреждения* в государствах-членах определяются Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющимся приложением № 16 к Договору (далее — Протокол). Согласно пункту 2 и части первой пункта 3 Протокола его положения применяются к любым мерам государств-членов, затрагивающим *учреждение*, к созданным, приобретенным, контролируемым *юридическим лицам* государств-членов, открытым *филиалам, представительствам, зарегистрированным индивидуальным предпринимателям*, продолжающим существовать на дату вступления в силу Договора, а также к созданным, приобретенным, контролируемым *юридическим лицам* государств-членов, открытым *филиалам, представительствам, зарегистрированным индивидуальным предпринимателям* после вступления Договора в силу [5].

При этом понятие «учреждение» в подпункте 24 пункта 6 Протокола определяется через перечисление его возможных форм и способов:

— *создание и (или) приобретение юридического лица* (участие в капитале созданного или учрежденного юридического лица) любой организационно-правовой формы и формы собственности, предусмотренных законодательством государства-члена, на территории которого такое юридическое лицо создается или учреждается;

— *приобретение контроля над юридическим лицом* государства-члена, выражающееся в получении возможности непосредственно или через третьих лиц определять решения, принимаемые таким юридическим лицом, в том числе путем распоряжения голосами, приходящимися на голосующие акции (доли), путем участия в совете директоров (наблюдательном совете) и в иных органах управления такого юридического лица;

— *открытие филиала;*
— *открытие представительства;*
— *регистрация в качестве индивидуального предпринимателя* [5].

Такой подход, с одной стороны, прост для восприятия, а с другой — порождает неопределенность при правоприменении и характеризуется изъясном кругового (циклического) определения. Для теоретически выверенного подхода и в целях эффективного правоприменения представляется важным дать содержательное, структурированное и объемное определение данной правовой категории.

Как верно подмечено Б. И. Нефёдовым, «в формулировке понятия должно указываться лишь то, что необходимо и достаточно для установления смысла определяемого термина», а «все остальные свойства, отличия, характерные черты и взаимосвязи определяе-

мого явления, во избежание многочисленных, как правило, размытых и в то же время тяжеловесных "архитектурных излишеств", должны быть вынесены "за скобки", т. е. за пределы соответствующей дефиниции» [12, с. 17].

При этом полагаем важным, чтобы доктринальное и нормативное определения понятия «учреждение» помимо согласованности между собой были универсальными для целей права ЕАЭС, а также соотносились с критериями, используемыми для его разграничения со схожими понятиями, используемыми в отраслях национального права, прежде всего в гражданском и налоговом праве государств — членов ЕАЭС, с нормативным регулированием и правоприменительной практикой в отношении реализации аналогичных предписаний о свободе учреждения в других региональных интеграционных образованиях, прежде всего ЕС. Такой подход среди прочего будет способствовать более эффективному сотрудничеству между такими образованиями и стимулировать интенсификацию международной торговли между субъектами хозяйствования их участников.

В отечественной научно-правовой доктрине до настоящего времени не предпринимались попытки выйти за рамки существующего в Протоколе нормативно-правового определения учреждения. В учебных публикациях по праву ЕАЭС термин «учреждение» в основном используется как синоним «коммерческого присутствия» [11, с. 164], т. е. так называемого третьего способа поставки услуг, как его определяет право ВТО [17, с. 141—142].

По мнению российских ученых С. Ю. Кашкина и А. О. Четверикова, которое разделяет Д. В. Козлов, понятие учреждения было воспринято правом ЕАЭС из права ЕС и обозначает соответственно создание (учреждение) хозяйствующим субъектом одного государства-члена «хозяйствующего субъекта в другом государстве-члене для осуществления там экономической деятельности — производства товаров и (или) торговли услугами» [15, с. 78], «своего филиала, представительства, иного структурного подразделения, дочернего или зависимого общества в другом участнике Союза для ведения там любой незапрещенной предпринимательской деятельности» [8, с. 89].

Традиционно данный термин соотносится с возникновением некоего субъекта экономической деятельности. Так, юридическое лицо может быть создано вследствие его *учреждения* одним или несколькими учредителями на основе их имущества [4, с. 209].

Кроме того, учреждением может быть отдельная организационно-правовая форма субъекта. Например, в Российской Федерации *учреждением* признается унитарная некоммерческая организация с правом оперативного управления на закрепленное за ней имущество, которая создана собственником для

осуществления управленческих, социально-культурных или иных некоммерческих функций [3, ч. 1, ст. 123.21].

Однако очевидно, что применительно к Протоколу сводить понятие учреждения исключительно к одному (первичному) варианту создания юридических лиц, а тем более к одному из видов некоммерческих организаций некорректно.

С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков, а также Д. В. Козлов категорично утверждают, что понятие учреждения в праве ЕАЭС не имеет ничего общего с аналогичным понятием гражданского законодательства России [8, с. 90; 15, с. 79]. По нашему мнению, общее в этих понятиях все же имеется, однако на уровне формально-юридического и сравнительного анализа очевидно не только разные подходы к определению данной категории, но и *различные цели и задачи, которые ею опосредованы в национальном гражданском праве и праве региональных интеграционных образований, таких как ЕАЭС*.

В отличие от Протокола, использующего в подпункте 22 пункта 6 термин «учреждение» также и для описания третьего способа поставки услуг, в правовом регулировании внешнеторговой деятельности, причем как в национальном законодательстве государств — членов ЕАЭС, так и в международном экономическом праве (праве ВТО), обычно применяют иной термин, а именно категорию «коммерческое присутствие».

Так, например, в подпункте 1.13 пункта 1 статьи 1 Закона Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» (далее — Закон) *коммерческое присутствие* определяется как **любая допускаемая законодательством Республики Беларусь, международным или иностранным правом форма организации предпринимательской деятельности нерезидентов Республики Беларусь на территории Республики Беларусь или резидентов Республики Беларусь на территории иностранного государства в целях оказания услуг** [13].

Согласно подпунктам 1.7 и 1.8 пункта 1 статьи 25 Закона, внешняя торговля услугами осуществляется среди прочего следующими способами:

— белорусским исполнителем услуг путем *коммерческого присутствия* на территории иностранного государства;

— иностранным исполнителем услуг путем *коммерческого присутствия* на территории Республики Беларусь.

Коммерческое присутствие в терминах права ВТО — это третий способ поставки услуг, осуществляемый путем приобретения, учреждения или сохранения компании на территории другой страны в целях производства и поставки услуг, а также путем использования или создания филиала или представительства в

таких же целях. Коммерческое присутствие — один из самых распространенных способов поставки услуг. По данным ВТО, на обеспечение коммерческого присутствия на мировом рынке услуг приходилось больше половины притока прямых иностранных инвестиций [9].

Белорусский правовед А. Ю. Корочкин определяет коммерческое присутствие как «любую форму делового или профессионального учреждения», в том числе путем:

i) учреждения, приобретения или сохранения юридического лица;

ii) создания или использования филиала или представительства на территории члена с целью поставки услуги [10, с. 243].

Исходя из приведенных примеров и позиций представляется очевидным, что термины «учреждение» и «коммерческое присутствие», хотя и близки по смыслу, не являются эквивалентными, и для целей интеграционного права есть необходимость установления аутентичного понятия «учреждение».

Помимо терминологического различия, ряд иных характеристик отграничивает понятие «учреждение» от аналогичного понятия в праве ВТО.

Во-первых, в части второй подпункта 24 пункта 6 Протокола прямо предусмотрено, что сфера применения понятия «учреждение» не ограничивается оказанием услуг. Учреждение осуществляется в том числе для целей торговли услугами и (или) *производства товаров*.

Во-вторых, если термин «коммерческое присутствие» обычно используют для обозначения организации постоянного места именно предпринимательской деятельности, то объем понятия «учреждение», безусловно, шире. В соответствии с подпунктом 2 пункта 6 Протокола деятельность определяется как предпринимательская и иная деятельность (включая торговлю услугами и производство товаров) юридических лиц, филиалов, представительств или индивидуальных предпринимателей. По обоснованному мнению Д. В. Козлова, любой вид экономической деятельности, осуществляемый физическими и юридическими лицами, подпадает под это понятие [8, с. 90].

В свою очередь юридическое лицо государства-члена определяется в подпункте 27 пункта 6 Протокола как организация *любой* организационно-правовой формы, созданная или учрежденная на территории государства-члена в соответствии с законодательством этого государства-члена.

Таким образом, можно констатировать, что свобода учреждения в ЕАЭС не ограничивается свободой учреждения только коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, но охватывает также и некоммерческие организации, их филиалы и представительства, создаваемые в порядке и на условиях, определенных национальным законодательством государств — членов ЕАЭС.

Кроме того, не следует смешивать используемое в Протоколе понятие «учреждение» с термином «постоянное представительство» (англ. «*permanent establishment*»), которое применяют в национальном и международном налоговом праве для определения ситуации, когда прибыль, получаемая налоговым резидентом одного государства от коммерческой (предпринимательской) деятельности в другом государстве, облагается налогом в этом другом государстве. Данные юридические категории, хотя и характеризуют в принципе одно и то же явление — осуществление юридическим лицом одного государства деятельности на территории другого государства, применяются в разных практических целях [1, с. 22]. При этом в определении учреждения важно не упустить такой важный элемент, как постоянный, длительный характер осуществления деятельности на территории другого государства, который лежит в основе разграничения двух смежных свобод общего рынка: свободы учреждения и свободы оказания услуг.

Как справедливо отмечает Е. В. Постникова, характерной чертой услуги при разграничении свободы предоставления услуг и свободы движения лиц, а также свободы создания постоянных коммерческих предприятий (свободы учреждения. — А. А.) является ограниченность во времени. Из практики Суда ЕС вытекает, что временный характер деятельности должен определяться в свете не только продолжительности предоставления услуги, но и ее регулярности, периодичности и непрерывности [14, с. 16].

Восполнить дефинитивный объем категории «учреждение» в праве ЕАЭС, выработать квалифицирующие признаки, при которых в конкретной ситуации учреждение будет иметь место даже при несоблюдении, в том числе намеренном, его формальных атрибутов, предстоит в ближайшей перспективе в правоприменительной практике и юридической науке.

Суд ЕАЭС, по состоянию на 31 декабря 2024 г., не формулировал правовые позиции в отношении вопросов применения Протокола в части регулирования учреждения в государствах-членах [16], в то время как в рамках ЕС уже накоплена значительная правоприменительная практика в отношении регулирования свободы учреждения, и ее критический анализ может быть полезен для совершенствования регулирования сходных правоотношений в ЕАЭС. Так, например, только за 10 месяцев 2021 г. Суд ЕС вынес 46 решений по делам, связанным со свободой учреждения, причем более 20 из них по преюдициальным запросам, касающимся свободы учреждения компаний в ЕС [2, с. 322].

В решении по делу *Gebhard v. Consiglio dell'Ordine degli Avvocati e Procuratori di Milano* Суд ЕС констатировал, что понятие «учреждение» (англ. «*establishment*») в праве ЕС является очень широким и позволяет упра-

вомоченным лицам одного государства-члена принимать участие в экономической жизни другого государства-члена «на постоянной и длительной основе» (англ. «*on a stable and continuous basis*») [20].

Заложенный Судом ЕС в указанном деле гибкий подход к определению содержания и объема понятия «учреждение», который не сводит его исключительно к формальным признакам (например, регистрации в соответствующем государственном регистре), представляется верным, особенно в эпоху цифровизации и беспрецедентной «миграции» бизнеса, в том числе с учетом санкций. При этом обеспечение свободы учреждения и деятельности в рамках региональной интеграции не должно ограничивать право государств-членов соответствующего интеграционного образования на эффективный контроль подобной деятельности, включая ее налогообложение.

В связи с этим представляется целесообразным определить понятие «учреждение» для целей права ЕАЭС как «*осуществление лицом одного государства — члена ЕАЭС экономической деятельности на постоянной и длительной основе в другом государстве — члене ЕАЭС*» и дополнить имеющееся нормативное определение понятия «учреждение» в подпункте 24 пункта 6 Протокола, изложив его в следующей редакции:

«24) «*учреждение*»: *осуществление лицом одного государства — члена ЕАЭС экономической деятельности на постоянной и длительной основе в другом государстве — члене ЕАЭС, в том числе посредством:*

— создания и (или) приобретения юридического лица (участие в капитале созданного или учрежденного юридического лица) любой организационно-правовой формы и формы собственности, предусмотренных законодательством государства-члена, на территории которого такое юридическое лицо создается или учреждается;

— приобретения контроля над юридическим лицом государства-члена, выражающегося в получении возможности непосредственно или через третьих лиц определять решения, принимаемые таким юридическим лицом, в том числе путем распоряжения голосами, приходящимися на голосующие акции (доли), путем участия в совете директоров (наблюдательном совете) и в иных органах управления такого юридического лица;

— открытия филиала;

— открытия представительства;

— регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;».

Представляется, что предлагаемые дефиниция и корректировка нормативных предписаний не только устранят правовую неопределенность и обеспечат комплексное правовое регулирование данных общественных отношений в праве ЕАЭС, но и будут способствовать более эффективной реализации контрольных функций со стороны государств-членов и предотвращению злоупотреблений в использовании предоставленных правом ЕАЭС привилегий со стороны недобросовестных хозяйствующих субъектов.

Список использованных источников

1. Анищенко, А. И. Представительство как форма коммерческого присутствия на зарубежных рынках / А. И. Анищенко // Промышленно-торговое право. — 2010. — № 5. — С. 18–23.
2. Анищенко, А. И. Свобода учреждения компаний в праве ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы (материалы презентации доклада) // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: сб. материалов Междунар. конф., Минск, 17–19 нояб. 2021 г. / Суд Евраз. экон. союза. — Минск: Колорград, 2022. — С. 322–325.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: Кодекс от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: текст по сост. на 1 июня 2025 г. // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». — URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 05.03.2025).
4. Гражданское право: учеб. В 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 624 с.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе: [закл. в г. Астане 29 мая 2014 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=fo1400176> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Доклад Евразийской экономической комиссии «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах — членах Евразийского экономического союза». — М., 2023. — 211 с. // Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/files/dobd/%Do%94%Do%BE%Do%BA%Do%BB%Do%Bo%Do%B4%2040723.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).
7. Захаров, В. Е. Перспективы создания совместных предприятий с участием инвесторов других государств — членов ЕАЭС / В. Е. Захаров // *ilex*. — URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECEMB/37094/#M100001> (дата обращения: 28.01.2025).
8. Козлов, Д. В. Право Евразийского экономического союза (Право ЕАЭС): учеб. / Д. В. Козлов. — Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2019. — 222 с.
9. Коммерческое присутствие. Третий способ поставки услуг // Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. — URL: <https://www.vavt.ru/wto/wto/CommercialPresece> (дата обращения: 05.03.2025).
10. Корочкин, А. Ю. Право Всемирной торговой организации: основные положения, практика применения и перспективы развития / А. Ю. Корочкин. — Минск: Колорград, 2016. — 353 с.
11. Михалёва, Т. Н. Право Евразийского экономического союза: учеб.-метод. пособие / Т. Н. Михалёва. — Минск: БГУ, 2022. — 191 с. // Электронная библиотека БГУ. — URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/295208> (дата обращения: 05.03.2025).
12. Нефёдов, Б. И. Мировой порядок: международно-правовой аспект / Б. И. Нефёдов. — М.: Проспект, 2024. — 176 с.

13. О государственном регулировании внешнеторговой деятельности: Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2004 г. № 347-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=N10400347> (дата обращения: 05.03.2025).
14. Постникова, Е. В. Свобода предоставления услуг в Европейском союзе: правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Постникова Елена Владимировна; Гос. ун-т — Высш. школа экономики. — М., 2010. — 27 с.
15. Право Евразийского экономического союза: учеб. / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. — М.: Проспект, 2016. — 192 с.
16. Сборник правовых позиций Суда ЕАЭС (компендиум) по состоянию на 31 декабря 2024 года // Суд Евразийского экономического союза. — URL: [https://courteurasian.org/upload/iblock/66c/jovqdrqq9qwyazb50403szcb3z890bc/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1_\(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.2024\).pdf](https://courteurasian.org/upload/iblock/66c/jovqdrqq9qwyazb50403szcb3z890bc/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B9%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1_(%D0%BF%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%2031.12.2024).pdf) (дата обращения: 07.07.2025).
17. Шумилов, В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО): учеб. для вузов / В. М. Шумилов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 219 с.
18. Юсифова, Р. Т. «Свобода учреждения» британских компаний // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 10 (62). — С. 125—129. — URL: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/916/916> (дата обращения: 05.03.2025).
19. Economic Community of West African States (ECOWAS) (Authentic text) // World Intellectual Property Organization. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/201555> (date of access: 05.03.2025).
20. Gebhard v. Consiglio dell'Ordine degli Avvocati e Procuratori di Milano: Judgement of the Court C-55/94, 30 Nov. 1995 // EUR-lex: Access to European Union law. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61994CJ0055> (date of access: 05.03.2025).
21. Treaty establishing a Common Market between the Argentine Republic, the Federative Republic of Brazil, the Republic of Paraguay and the Eastern Republic of Uruguay (Translation) // World Intellectual Property Organization. — URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/234261> (date of access: 05.03.2025).

Статья поступила в редакцию 27 марта 2025 г., доработана в июле 2025 г.